

РЕАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ И НАДУМАННЫЕ ПОСТРОЕНИЯ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ революция началась не сегодня, не год и не два тому назад. Она — процесс давний, истоками своими уходящий в конец прошлого века: о великой научной революции в естествознании писал еще В. И. Ленин.

Научно-техническая революция на нынешнем этапе ее развития необычайно многогранна.

За последнее время, особенно после XXIV съезда КПСС, появилось много произведений о рабочем классе. Степень значительности таких произведений, их моральная эффективность, впечатляемость очень различны. К сожалению, мы не можем назвать книгу, которая означала бы по-

вый этап в развитии темы научно-технического прогресса, свидетельствовала бы о том, что перейден некий рубеж в ее художественном решении. И все же произведения на эту тему вызывают пристальное внимание критики, что закономерно.

В поле моего зрения сейчас лишь два произведения, заслуживающие продолжения разговора, хотя о них уже были высказаны те или иные мнения. Это роман армянской писательницы Анаит Секоян «Если б Воротан заговорил» и роман русского писателя Андрея Старцева «Сухой бор».

В том и другом произведении центром действия являются новые объекты

строительства. В первом случае — электростанция в Армении, во втором — букашского комбината на Севере. Андрей Старцев все сюжетные узлы завязывает на тех событиях, которые происходят на строительстве комбината. Анаит Секоян их рассредоточивает, как бы распыляет, перенося действие романа и в деревни, которые должны быть в связи с работами по созданию искусственного озера затоплены, и в Ереван, где работают или учатся некоторые ее герои, как-то связанные с начавшимся строительством или с людьми, на этом строительстве работающими. То есть жизненный плацдарм у Анаит Секоян шире, и отсюда не только какие-то новые

возможности, но и возникающие перед ней добавочные трудности. В поле зрения писательницы оказываются проблемы разные, но, увы, часто мало связанные между собой. Они никак не помогают раскрытию того главного, во имя чего написано произведение.

Что же касается романа Андрея Старцева «Сухой бор», тема его не может вызвать никаких сомнений. Драматические коллизии, возникающие в процессе осуществления задач научно-технической революции, в отличие от романа Анаит Секоян, жестко организуют тот материал жизни, который нашел здесь воплощение. Тут и конфликты, возникающие в условиях НТР, и четкая расстановка сил, вступающих в отношения трудные, тяжело разрешаемые. Конфликты, которые происходят в романе «Сухой бор», не столько личные, сколько, я бы сказала, исторические.

Шанин, талантливый, самоотверженный руководитель старого типа, привыкший действовать волюнтаристскими методами, никак не может ответить на запросы времени. По-человечески ему нравится молодой инженер Белозеров. Он ценит его и как работника. И в то же время душа Ша-

нина не может принять новшеств, которые Белозеров осуществляет на руководимом им участке. А новшества эти не такие уж мудреные, но очень важные. Это разработанная на его участке «сетка» организации работ, поощрение коллективной мысли в поисках тех или иных решений, привлечение рабочих к творческому осуществлению разрабатываемых планов. Белозерова характеризует то доверие рабочим и своим товарищам, инженерам, которого нет у Шанина. Развернувшись на стройке события и их исход — докладительство правоты Белозерова. Все кончается крушением старых методов руководства и планирования, изживших себя отношений внутри производственного коллектива.

А теперь вернемся к роману А. Секоян «Если б Воротан заговорил». И армянское его издание, и русский перевод уже получили отклики на страницах «Литературной газеты». Мнения высказаны разные: ученый С. Мержелян и писатель М. Шагириян безоговорочно отнесли его к произведениям на тему научно-технической революции и, собственно говоря, подняли на щит. Б. Анашенков, откликнувшийся на русский

перевод того же произведения («ЛГ», № 47, 1973), объявил, что к НТР оно не имеет никакого отношения. Неудачу, постигшую писательницу, критик объяснил тем, что роман-де написан «по законам мелодрамы». Я не уверена, что произведение, созданное «по законам мелодрамы» (это вообще еще не повод для зачеркивания романа), не может быть откликом на НТР. И не характер его написания может стать опровержением позиции С. Мержеляна и М. Шагирияна. О том, на какую тему написан роман Анаит Секоян, можно судить только исходя из его содержания, на котором Б. Анашенков остановился, увы, походя.

Спору нет, в романе на такую важную тему, как научно-техническая революция наших дней, прежде всего должны присутствовать главные приметы самого что ни на есть нового и в производственной жизни, и в психологии, и в поведении людей, которые участвуют в изображаемых событиях. Этого-то как раз в романе «Если б Воротан заговорил» и нет — если бы Б. Анашенков оценивал роман с этой точки зрения, с ним можно было бы согласиться. В самом деле, хорошие

люди, честные, преданные делу рабочие и руководители здесь есть, но намекна на то, что кто-то из них размышляет о необходимости работать по-другому, ищет каких-то своих путей, в романе мы не найдем. Можно сказать, что роман представляет собой бытописание будней стройки, по методам работы и стилю руководства, безусловно, отсталой, но четкая оценка того, что там происходит, в произведении тоже отсутствует. Больше того, писательница не сумела нащупать движение жизни в ее передовом качестве — того, куда, фигурально выражаясь, должен нести героев поток Воротана, название которого вынесено в заглавие романа. Поэтому драматические события, разыгрывающиеся на стройке (в них «повинны» устаревшие инструкции по оплате труда проходчиков, недостаточность ассигнований на строительство жилищ и т. д.), выглядят чуть ли не безвыходными, а преодолеть трудности ее руководителям приходится волюнтаристским путем.

В общем, согласимся с выводом Б. Анашенкова: роман «Если б Воротан заговорил» написан не на тему НТР.

Но, невзирая на это, события, в нем происходящие, соприкасаются с этой ведущей темой нашей литературы как бы «от обратного». Роман невольно наводит читателя на мысль о необходимости решения задач, возникающих на оплоте строительства в романе строительстве ГЭС, и перед его руководителями, и перед рабочими, именно на уровне НТР!

Другое дело, что, как мне представляется, Анаит Секоян и не думала писать роман именно о научно-технической революции. И не случайно, что специальных проблем, связанных с научно-технической революцией или, даже скромнее, с научно-техническим прогрессом, героям романа на его страницах решать не приходится. Ни одна из таких проблем и не ставится автором. Речь в романе идет совсем о другом. И это «другое» требует от Анаит Секоян — выйти за пределы строительства, расширить круг действующих в романе лиц, в той или иной мере связать их между собой, включить в свое повествование разных людей. Дело в том, что писательнице волнуют в первую очередь актуальные проблемы — нравственные, этические в самом широ-

ком смысле этих слов. Мысли, чувства, поведение персонажей романа «используются» писательницей в качестве средства если далеко не всегда для решения, то хотя бы для постановки проблем назревших, имеющих, на мой взгляд, важное общественное и даже государственное значение. В романе это отражено как взаимосвязь субъективных факторов и объективных условий.

Пусть Анаит Секоян не сумела, как и ее героиня, решить поставленные ей в романе вопросы, в том числе и такие сугубо производственные, как организация строительства. Но, исходя из сознания государственной целесообразности, с позиций заинтересованности в условиях жизни человека труда, в его судьбе, с позиций, я бы сказала, подлинного гуманизма, она эти вопросы поставила остро, как насущные, и привлекла к ним внимание читателей.

В романе показано, как единая цель связывает разные сферы жизни, и сделана попытка раскрыть эту непростую взаимосвязь. Так, например, начало строительства котлована для искусственного озера «втягивает» в события, рисуемые в романе, крестьян тех

деревень, которые должны быть затоплены. И тут вступают в действие свои драмы, образуются сложные (кстати, типические в такой ситуации) коллизии. Старый быт рушится, и это отзывается в сердцах людей, привыкших уважать свои национальные традиции.

Подобные драмы не могут не вызвать у читателя сопереживания. Но в романе нет и тени идеализации патриархальности, стародавней психологии в целом. Драмы деревенских жителей преодолеваются не столько временем, сколько скорыми осязательными положительными изменениями, которые приходят в их жизнь. Драмы снимаются движением жизни.

Среди больших основных проблем, поставленных в романе и особенно волнующих писательницу, — проблема веры в человека, доверия к нему. Эту проблему она ставит и пытается решить на взаимоотношениях всех персонажей романа, но особенно остро — на судьбе бывшего вора по прозвищу Маз, истинное же его имя Овсеп Анаян.

Через события, происходящие в романе, Анаит Секоян «открывает» перед чи-

тателем препятствия, которые стоят на пути этого бывшего преступника, пришедшего к убеждению, что прежняя его жизнь была глубоко безразличной, ошибочной. Препятствия, на которые указывает писательница, вполне реальны: это и необходимость наступления во всех случаях жизни на прежние свои привычки, борьба с прошлым в самом себе, это и опасности, грозящие отошедшему от воровского мира человеку со стороны его прежних друзей. Но самым большим и трудноодолимым препятствием, как показывает Анаит Секоян, является **недоверие**, с которым сталкивается в своей новой, честной жизни рабочий Овсеп Анаян. Автором романа затронут большой вопрос. Она «сводит» Овсеп Анаяна не только с людьми, не доверяющими ему (судебный следователь и некоторые другие), но и с поверившими в него Качатуром, Севояном, Зарифяном, Манэ. И эта вера вторично спасает человека!

Верой в человека (не только в исправление имени Овсеп Анаяна), чувством гуманистического братского единения советских людей — и ближних, и дальних (приехавших на

стройку Армении с разных концов Советского Союза) — проникнут роман Анаит Секоян в целом. Это основная его направленность, это интернационалистская тенденция, которая заложена в произведении. И ее нельзя не признать плодотворной.

Хотя в романе Анаит Секоян есть «провалы» (обычно выдвинутых, но нерешенных вопросов, разбросанность, часто встречающаяся словесная безвкусица — и в этом, кстати, небольшая доля вины переводчицы Арусь Тадеосян), но мы чувствуем здесь сопереживание автора своим героям. А вот гладкопись Андрея Старцева сама по себе холодна. Его словесной ткацкой присущи протокольность, местами затянута описательность, особенно в «технических сценах». К сожалению, на страницах романа «Сухой бор» мы не встретились с живыми людьми, с их страстями, переживаниями.

Писатель всех своих героев заранее расставил на свои места и привел к желанному им концу. Для пущей занимательности он начал повествование с интригующей завязки, «помещает» в роман и любовь Белозерова к той самой жур-

налистке, которую герой в самом начале произведения вызволил из беды. В общем, автор не забыл ничего. Есть в романе и такая важная проблема, как партийное руководство стройкой. Не проходит он и мимо вопроса о типе профсоюзного вожака, который может отвечать современным требованиям масс. Есть и еще многое другое. Но почему же так тяжело, скучно читать этот роман? Почему острые проблемы, в нем решаемые, не волнуют читателя?

Так, например, могла стать волнующей сцена, когда, по словам автора, буквально потрясенный новым заданием, Белозеров рассказывает о нем своим товарищам по работе: надо ТЭЦ-2 в три месяца ввести в строй! Но как нудно повествуется об этом в романе! «Белозеров, — пишет автор, — попросил инженеров подготовить расчет потребности рабочей силы и материалов, имея в виду завершение строительства и монтаж в указанный срок». В другом случае Андрей Старцев «возит» Белозерова по объектам и делает читателя свидетелем длинных, в большинстве своем специальных его разговоров с бригадирами, мастерами и т. д.

Думы персонажей романа передаются писателем невыразительно. К примеру, Шанин, человек, по рекомендации автора, яркий, самобытный, так размывает, когда решается судьба его старого

товарища Голохвастова: «Временная утрата бедного духа с Василием случается». Удивительно однообразны портреты героев романа. У них то «сухощавое», то «угловатое» лицо. Не лучше, чем у персонажей, и язык самого автора. Объясняя отношение Шанина к Белозерову, он пишет: «...поскольку Белозеров был членом парткома, душевный настрой этого человека следовало держать под контролем». Попытки Андрея Старцева писать «художественно», как правило, оказываются несостоятельными. Один из персонажей романа, Корчемаха, «упреждая спор, рассыпался звонким тенором»; у другого, у Лещенка, «сочувственно-насмешливо блестящие очи» и т. д.

Уже давным-давно известно, что правильные мысли сами по себе не могут обеспечить художественной выразительности произведения. К сожалению, так оказалось и в случае с романом Андрея Старцева. А жаль. Ведь материал жизни в его руках был значительный...

В отличие от бесстрастности А. Старцева меня привлекает в романе А. Секоян «Если б Воротан заговорил» активное стремление автора вмешаться в жизнь, осмыслить проблемы острые, без разрешения которых нельзя двигаться вперед. Хочу отметить, что в этом плане, по содержанию и тенденции, книга

А. Секоян выгодно отличается от некоторых произведений армянской прозы, появившихся в 1973 году на русском языке. (А ведь недаром говорят, что все познается в сравнении!) Я имею в виду сборник рассказов и повестей «Полдень», выпущенный издательством «Айастан».

Если в отдельных произведениях этой книги и мелькают некие приметы жизни, то они носят чисто внешний характер, играют роль только орнамента, «украшающего» довольно странные рассуждения их авторов. В «Сказке» Агаси Айвазяна красота обораживается иллюзией, бесильной перед лицом неподлинности и жестокости жизни, введенными автором как бы в закон человеческого существования.

Не менее безотрадная картина нарисована и Рубеном Овсепяном в рассказе «Телега». Как и в рассказе А. Айвазяна, сюжет здесь вымучен, надуман, очень далек от реальных проблем, волнующих людей сегодня. В рассказе этом утверждается неизменность жизни, тех противостояний, которые якобы заложены в ней навеки. Резюме, которое делает его герой Доминик, говорит само за себя: «...вот уже сколько веков он и возница, каждый со своей истиной, натягся на этой сиропучей телеге, и не скатываются в пропасти, не возносятся на вершины гор...». А раз так, может сделать вывод доверчивый читатель, незачем стремиться к чему бы то ни было хорошему, незачем искать истину, незачем бороться за ее торжество. К

еще более пессимистическому выводу приводит такого читателя Норайр Адалян в повести-миниаюре «Одна ночь». Он предельно «сочрашает» расстояние между человеком и «представителями других классов позвоночных», фактически уравнивает его с животными и с этих позиций рисует своих героев.

Философические мудрствования авторов названных выше произведений отличаются мнимой сложностью. Они не рождены теми проблемами, которые выдвигает действительность. Авторы эти занимают читателя проблемами надуманными, которые они выдают за «вечные». И как выгодно от них своей, я бы сказала, взволнованностью вопросами насущными, своей связью с реальной жизнью отличается Анаит Секоян! Правда, роман ее лишь «вопиет» о необходимости научно-технической революции, которая, судя по всему, пока еще не нашла своего воплощения в том, что происходило на первой из площадок начинавшегося строительства ГЭС. Однако думается, что и такой характер проблем, поставленных писательницей в ее произведении, дает достаточно оснований для того, чтобы признать роман злободневным в хорошем смысле этого слова.